

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 24-го Іюля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12177.

РУССКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.

1. Военный министр ген.-адъют., ген.-отъ-кав. В. А. Сухомлиновъ. 2. Начальник главного штаба ген.-отъ-инф. Н. П. Михневичъ. 3. Начальник генерального штаба ген.-лейт. Н. Н. Янушкевичъ.

ГОРОДЪ.

Онъ тихо засмѣялся, выпилъ полстакана своего мутнозеленаго, разбавленнаго абсента, посмотрѣлъ на меня уже безъ смѣха и заговорилъ:

Я васъ выслушалъ, и мнѣ все ясно.

Восточный вы человѣкъ. Это не значитъ, что вы какой-нибудь авантюристъ изъ Малой Азіи, гипнотизеръ, продавецъ туфель или дрессировщикъ собакъ. Нѣтъ. Психологія ваша восточная.

Неподвижность, тишина, созерцаніе. Жажда вѣры, значитъ, Бога, жажды мира, значитъ, любви.

Вы, навѣрное, любите тягучія печальные пѣсни. Иногда молчите цѣлыми днями, словно Будда, возсѣдающій на своихъ

каменныхъ липіахъ. А иногда, ну, пляшете, что ли. Только пляшете такъ, что комната качается, полы трещатъ. Восточный человѣкъ.

Мой собесѣдникъ замолкъ. Я невольно внимательнѣе посмотрѣлъ на него. Черный, поношенный костюмъ, пестрый галстукъ, покрывающій грязную рубаху. Черепъ наполовину лысый, лицо сѣроѳе, мутное, невыразительное, губы спрятаны въ прокуренной бороденкѣ и усахъ.

Только глаза живые — маленькие, свѣтлые, перебѣгающіе съ предмета на предметъ, какъ бѣлые мыши.

Онъ снова потянулся къ своему абсенту, и я замѣтилъ, что его грубая рука съ вздутыми синеватыми жилами сильно дрожитъ. Онъ продолжалъ:

— Послушайте теперь меня. Я запад-

ный человѣкъ. Я крѣпче, реальнѣй, трезвѣе. У меня безъ сантиментальностей. Я былъ профессоромъ, моя специальность этнографія. Да. А теперь я питаюсь отбросами и вечера провожу вотъ здѣсь.

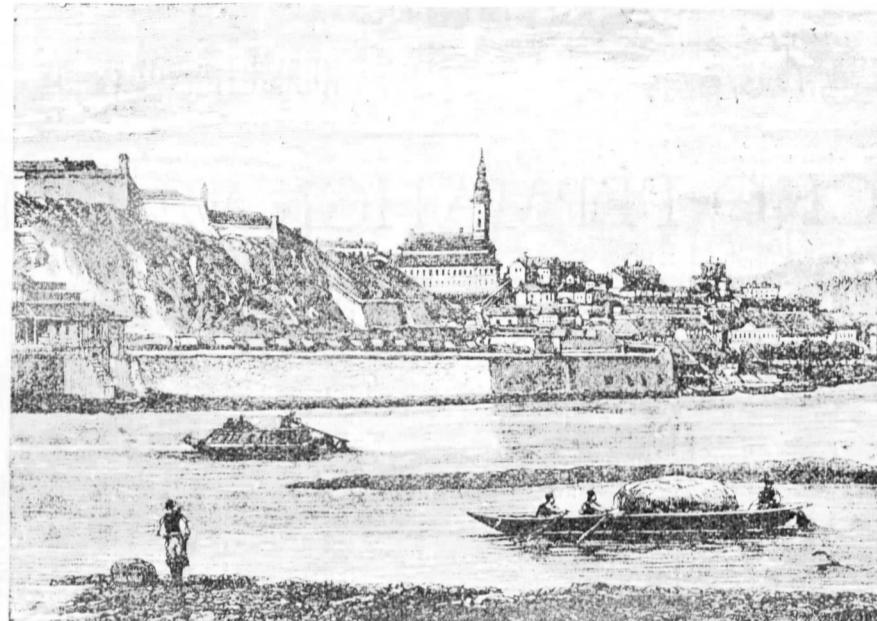
„Парнасъ“ (онъ разсмѣялся). Смѣшно! Безумные мальчишки. Выпивають на голодное брюхо чашку кофе за су и говорятъ о новомъ искусствѣ, утверждаютъ, что будущее за ними, что міръ въ ихъ власти и т. д. А между тѣмъ всѣхъ ихъ точитъ неврастенія, всѣхъ ихъ... Да, это ни къ тому.

Ну вотъ, я среди нихъ. Странная исторія. Можетъ быть очень грустно. Для восточной психологіи — одинъ мракъ. А мнѣ ничего. Трезвый взглядъ. Жизнь имѣетъ свои законы. Попалъ на удачное колесико — господинъ; [споткнулся — соби-

АВСТРО-СЕРБСКАЯ ВОЙНА.

Баронъ Тисль,
австро-венгерский посланникъ въ
Сербії.

Іовановичъ,

сербский посланникъ въ Венгрии.

Бѣлградъ.

Городъ разгромленъ и взять австрійцами.
Резиденція перенесена въ Нишъ.

Графъ Тисса,
венгерский министръ-президентъ

Генералъ баронъ
Конрадъ фонъ-Гетцендорфъ,
начальникъ австрійского генерального штаба,
назначенный главнокомандующимъ австрій-
ской арміей.

Фонъ-Кробатинъ,
австро-венгерский военный министръ

Генералъ Франкъ,

Генералъ Ауфенбергъ,

Генералъ Патіорекъ,

Генералъ Брудерманъ

НАЧАЛЬНИКИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМІИ.

рай тряпки по дворамъ. Что же тутъ удивительного? Все обычно, все правильно, въ э, какъ въ математикѣ, настяшая реальность, некого и проклинать.

Онъ постучалъ, и лакей принесъ новый стаканъ абсента.

— Васъ, продолжалъ онъ, именно это и мучаетъ и смущаетъ. Вотъ, моль, сидеть бывшій профессоръ, абсентъ пьетъ, навѣрно, голоденъ, а рядомъ въ собственномъ автомобилѣ проѣзжаетъ какая то пустая шлюха. Развалила на подушкахъ жирная тѣлеса, надула обожравшіяся ротъ, а въ ушахъ серги съ rue de la Paix,—значить, тысячи франковъ. (Онъ разсмѣялся, по прежнему тихо, невыразительно). Вотъ потому то вы и городъ ругаете, потому и не любите. Восточный, травка вамъ нужна.

Позвольте, сказалъ я,—вы не соглашались со мной, а выходить такъ, что вы сами готовы проклинать этотъ городъ, сами смотрите...

— Напротивъ, перебилъ онъ меня. Я его люблю. Я дважды пробовалъ пожить въ деревнѣ, и ничего изъ этого не выходило. Каждый разъ убѣгалъ и бросался съ головой въ эту вавилонскую суполоку, какъ вы изволили выразиться.

Плохое вы все замѣтили, а хорошаго нѣтъ. Вотъ, посмотрите, сейчасть. Сидимъ мы съ вами въ этомъ парнассскомъ барѣ. Вонъ какой то волосатый юноша. Очень похожъ на струаса. Развѣ не интересно представить себѣ, какъ онъ сочиняетъ свои стихи за этой чашкой кофе? А зеркала? Смотрите, какъ въ нихъ плывутъ и множатся огни, лакеи съ подносами, эти накрашенныя женщины въ черныхъ плащахъ, эти гордые молодые люди. Наконецъ, улица.—Глядите. Тонконогая дѣвочка. Личико такое, будто тифъ перенесла. Попала въ полосу свѣта. Скрылась. А эта. Экія бедра. Бѣлый воротникъ, не то Маріи Стюартъ, не то а la Робеспьеръ. Скрылась. А за толпой кусочками проглядываютъ сверкающія стекла автомобилей, желтые скользящіе фонари, цилиндры извозчиковъ, корпуса автобусовъ.

Развѣ въ этомъ нѣть своей поэзіи?

— По моему,—нѣтъ. Я не понимаю поэзіи, въ основѣ которой только отчаяніе и слезы. Вѣдь, здѣсь все ненормально, уродливо, измучено, загнано.

— Такъ. А мнѣ представляется иное. Мнѣ отъ этого веселѣе. Дѣвочка прошла. Личико зеленое. Голодъ, тификъ. Что жъ тутъ страннаго? Просто нѣть денегъ. Мальчикъ стихи пишетъ, міръ проклинаетъ,—мнѣ тоже весело. Трезво смотрю на все. Голоденъ и проклинаетъ. Встанетъ на ноги, такъ на насъ съ вами и плюнуть не захочетъ.

— Но чѣмъ въ этомъ веселаго?

— Какъ?

— Вы говорите „мнѣ отъ этого веселѣй“.

Ну да, да. Веселѣй, потому что я чувствую себя въ такомъ же обществѣ, говоря короче, среди своихъ, среди отбросовъ. Мой сынъ тоже стихи пишетъ, міръ проклинаетъ, а почему?

Онъ разсмѣялся, посмотрѣлъ на меня съ лукавой, неопределенней улыбкой и продолжалъ:

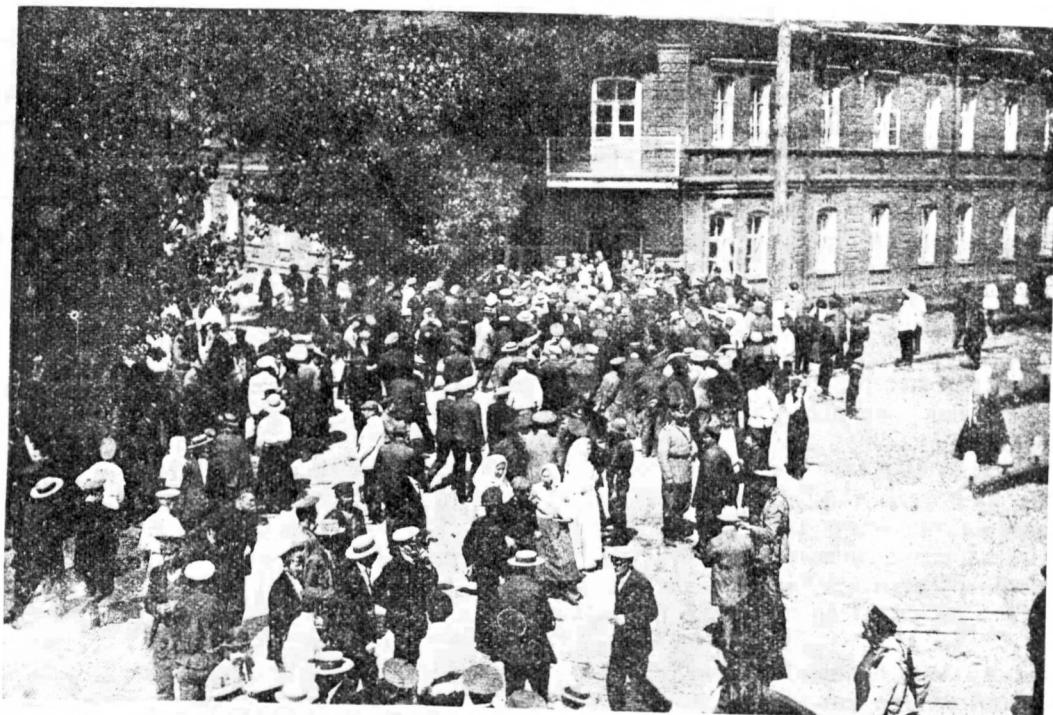
— Поэзія, другъ мой, необычайная поэзія. Иногда я себѣ устраиваю настоящіе пиры. Выпью вотъ такъ абсента, а потомъ заберусь на второй этажъ трама, Ѣду. Небо надъ тобой—сиренево багровое, ночное, словно зарево пожаровъ, а внизу плыветъ городъ. Фонари, толпа. И вдругъ изъ мутнаго мрака выплываетъ прямо на тебя старая рыжая колокольня,

МОБИЛИЗАЦІЯ ВЪ ХАРЬКОВЪ.

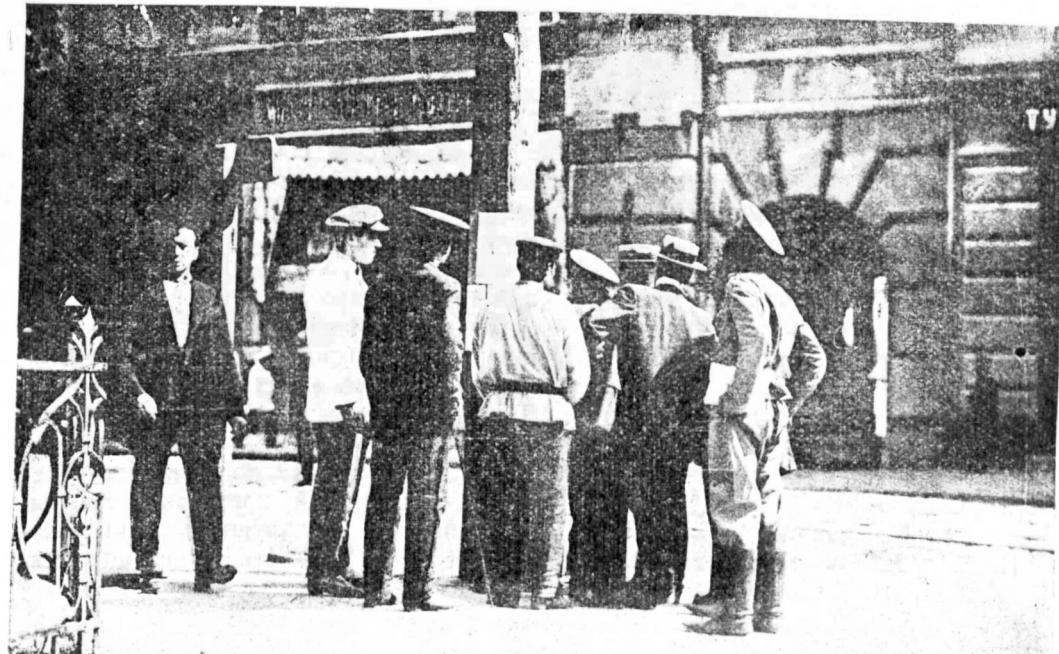
Снимки для „Южного Края“ фот. „Но 21“.

Призывъ запасныхъ.

На сборномъ пункѣ.

Чтеніе объявленія о мобилизациі.

раскроется внутренность какой-то свѣтлой комнаты. А то часы глянуть съ башни. Желтые часы, словно большой глазъ съ бѣльмомъ. Пирую... А реклами!

Онъ расхочатся и даже прихлопнуль рукой по столу.

— Я ужасно люблю реклами. Это лучше всякаго журнала. Бродишь днемъ и разглядываешь. Вотъ тонкая дѣвушка, видно, настоящий художникъ работаль,— синяя туника, молочный жемчугъ въ волосахъ глаза продолговатые, обведены зелеными кругами, а губы—красный кусокъ мяса. Прелестная новая Беатриче.

Рядомъ болтаются чьи то ноги. Художникъ даетъ „видъ подъ мостомъ“. Невидимая рука вытянула изъ воды удочку. И что же на ней? Духи, самые модные, самые очаровательные духи въ граненомъ флаконѣ. Дальше, ба-гровая жаба кушаетъ самыя вкусныя конфекти, а надъ ней мальчишка съ громадными глазами дегенерата. Вывернуль ногу и показываетъ, какая у него прекрасная резиновая подошва.

Забавно! И на фонѣ всѣхъ этихъ жабъ, рыболововъ, духовъ, подошвъ, собакъ и т. д. скользятъ фигуры мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей. И всѣ они родные. Есть въ нихъ что-то общее. У дѣвушки въ синей туникѣ съ жемчугомъ кепта и у живой дѣвушки въ красномъ плащѣ, которая идетъ рядомъ по улицѣ. Забавно!

Онъ опять разсмѣялся, хлебнулъ абсента и совсѣмъ весело добавилъ:

— Истинная поэзія. По сравненію съ ней дантовская комедія въ калошѣ сидитъ.

Мы говорили еще съ полчаса, на этотъ разъ уже на другую тему. Мой собесѣдникъ, завсегдатай этого кафе „Парнасъ“, рассказывалъ объ одномъ поэтѣ, который влюбился въ проститутку и застрѣлился. До того всегда сюда приходилъ и пилъ ромъ.

Я допилъ свой оранжадъ и поднялся.

— Постойте, дернуль меня за руку „профессоръ“. Хочу вамъ сказать еще нѣсколько словъ.

Лицо его вдругъ стало такимъ серьезнымъ и вмѣстѣ такимъ жалкимъ, что я не могъ отказать и покорно опустился рядомъ съ нимъ.

— Слушайте, дорогой. Я знаю, вы больше сюда не придетѣ, Вы—другой человѣкъ. Васть не заколесило. У васть есть своя жизнь. Такъ я вамъ скажу правду. Вы правы, тысячу разъ правы. Развѣ можно не пожалѣть бѣднаго профессора? А тотъ поэтъ-страусъ. Онъ и жизни не видѣлъ, а едвали выберется изъ ямы. У меня глазъ наметанный. И ту дѣвочку, помните, худенькая. Жаль, до слезъ жаль. Какая тутъ поэзія! Хвастался передъ вами, дымъ пускалъ. Ну, а знаете, если дыму не пускать, то...

Онъ наклонился ко мнѣ и окончилъ почти шепотомъ:

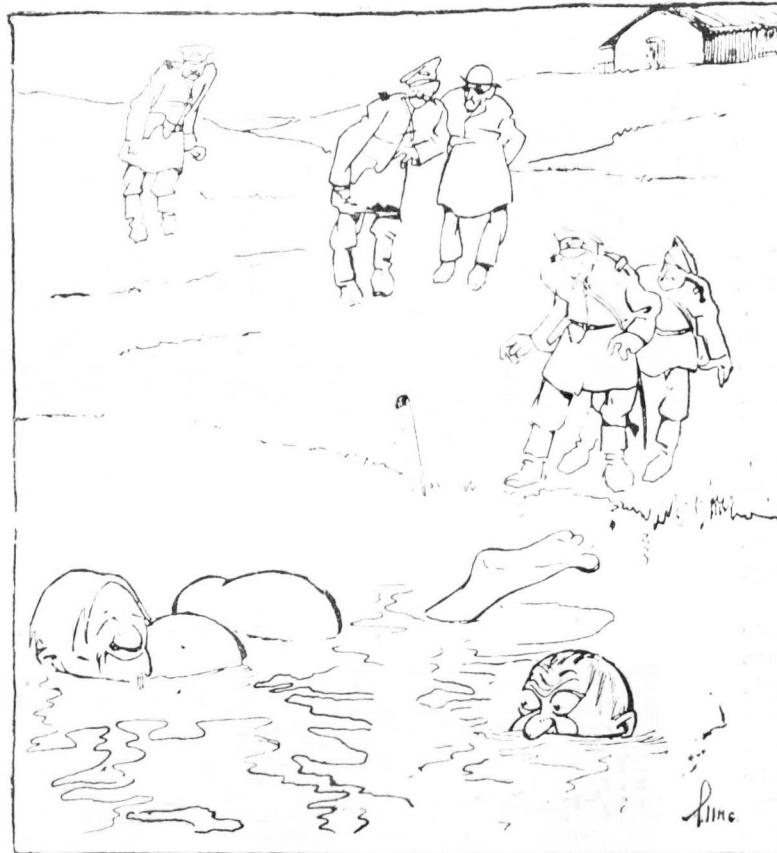
— Тогда, значитъ, иди въ сарай и удавись... Ну, а я теперь такой слабый,

ОТЧЕТЪ ПЕРЕДЪ ИЗБИРАТЕЛЯМИ.

Конвой сопровождаетъ депутата Шагова на каждомъ шагу. Во время купанья къ Шагову приблизилась группа рабочихъ. Устроили митингъ посреди рѣки. Это вызвало протестъ со стороны стражниковъ.

Телеграмма.

Рис. М. Линсако для „Южного Края“.

Депутатъ.—Нырнемте, а я вамъ тамъ скажу, что постановила наша фракція.

такой гаденькой, что и этого не сумѣю сдѣлать...

Онъ выпрямился. Разсмѣялся прежнимъ тихимъ неопределеннymъ смѣхомъ и протянуль мнѣ свою руку.

— Всего вамъ хорошаго. И знаете что, —не приходите сюда больше...

Ал. Станкевичъ.

Paris.

СМѢСЬ.

Дорогой поцѣлуи.

На великосвѣтскомъ базарѣ, данномъ на-дняхъ въ Лондонѣ въ пользу дѣтей утонувшихъ моряковъ, обратилъ на себя вниманіе своею щедростью сэръ Морицъ Фитцъ Джемсъ, недавно только получивший титулъ барона.

Онъ переходилъ отъ столика къ столику, дѣляя покупки, а за нимъ шествовалъ въ ливреѣ его старый камердинеръ Джонъ, увѣшанный всевозможными пакетами.

Вдругъ баронъ остановился передъ кіоскомъ, пораженный красотой продавщицы какихъ то бездѣлушекъ. Какъ человѣкъ, сознющій власть денегъ, онъ смѣ-

ло подошелъ къ витринѣ и, вѣжливо поклонившись, спросилъ:

— Мадемуазель, не продаются ли здѣсь поцѣлуи?

— Какъ же, сэръ! По гинеи (гинея—10 р.) штука. Плата взимается впередъ.

— Такъ вотъ вамъ деньги и будьте добры отсчитать мнѣ парочку.

— Сейчасъ, сэръ! Получите сдачу... Тетушка, два поцѣлуя для господина покупателя!...

Изъ-за стойки появилась фигура старой дѣвицы, лѣтъ сорока, съ сіяющей улыбкой.

Сэръ Фитцъ Джемсъ на минуту осталенѣль, но сейчасъ же нашелся.

— Джонъ,—обратился онъ къ служѣ,—получи покупку, деньги уплачены!

Кошка спасительница.

На-дняхъ въ Гранвилѣ (Франція) кошка спасла ребенка отъ вѣрной смерти. Пятилѣтняя дѣвочка Жульета Куртуа, играя на берегу рѣчки, влѣзла на старую вѣтвистую липу и провалилась въ очень глубокое дупло. Крики дѣвочки не были услышаны. Съ ребенкомъ была кошка, которую дѣвочка еще котенкомъ вытащила изъ воды. Животное настолько привязалось къ ребенку, что неотступно слѣдовало за нимъ. Какъ только дѣвочка упала, кошка побѣжала домой и нашла отца ребенка, доктора Куртуа и, жалобно мяучи, повѣла его за собой и привела къ мѣсту несчастія. Понявъ, въ чёмъ дѣло, докторъ позвалъ людей, которые, прорубивъ въ дуплѣ отверстіе, вытащили дѣвочку, начавшую уже задыхаться.

Возрастъ любви.

Философскій факультетъ одного изъ германскихъ университетовъ задался цѣлью установить возрастъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, въ которомъ они способны къ наиболѣе глубокой любви. Работы эти были возложены на двухъ извѣстныхъ психологовъ—германского профессора Йоганна Жака и американского профессора Вернера Брауна. По наблюденіямъ Жака, настоящая пора любви для мужчины длится всего два года—отъ двадцати четырехъ до двадцати шести лѣтъ, тогда какъ для женщины этотъ периодъ начинается съ тридцати лѣтъ и оканчивается въ тридцать четыре года. Жакъ строить свои выводы изъ наблюденій за жизнью четырехсотъ знаменитостей мужчинъ и женщинъ.

